

ОБ АССОЦИАТИВНО-СОЧЕТАЕМОСТНЫХ СВОЙСТВАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)*

Проблема владения языком – одна из центральных в науке о языке – решалась в разное время разными направлениями, школами и отдельными исследователями по-разному. В результате в этой области науки накоплен богатейший материал. Цель – моделирование языка – ставит существующие теории очень близко друг к другу, но в то же время делает возможным их четкое разграничение. Отметим некоторые из них, достаточно широко распространенные в современной лингвистике: трансформационная грамматика Н. Хомского [Хомски 1972], падежная грамматика Ч. Филлмора [Филлмор 1981], модель «смысл $\Leftrightarrow$ текст» И.А. Мельчука [Мельчук 1974], интегральный словарь Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], модель речевой способности А.А. Леонтьева [Леонтьев 1969], а также множество других решений, появившихся в результате критического прочтения этих теорий. В последнее время наблюдается интерес к наличию очень существенного, но незаслуженно пренебрегаемого некоторыми авторами фактора на пути к решению проблемы владения языком, а именно человека как носителя языка. Имея в виду, что наш анализ проводится на базе основных постулатов теории о «языковой личности», разрабатываемой Ю.Н. Карауловым, далее подробнее остановимся на этом.

Ю.Н. Караулов формулирует два основных тезиса о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 1987: 7], и о том, что анализ возможен только на материале определенного национального языка [там же: 8]. Развивая первый тезис, автор предлагает трехуровневую модель языковой личности: «Структуру языковой личности можно рассматривать – в лингводидактических и теоретико-лингвистических целях – [как] складывающуюся из трех уровней: а) вербально-семантического, или лексикона личности; лексикон, понимаемый

---

* Опубликовано в: Болгарская русистика. 1993. № 2. С. 31–36.

в широком смысле, включает, по нашим представлениям, и фонд грамматических знаний личности; б) лингвокогнитивного, представленного тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире; в) мотивационного, или уровня деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающего прагматикон личности, т.е. систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей» [Караулов 1988: 109].

Подводя итоги рассуждениям об отношении между понятиями «языковая личность» и «национальный характер», Ю.Н. Караулов делает вывод о том, что «наличие общерусского языкового типа (нулевой уровень структуры), базовой части общей для русских картин мира, или мировидения (1-й уровень), и устойчивого комплекса коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения (2-й уровень), и позволяет говорить о русской языковой личности» [Караулов 1987: 42].

Конкретизируя теоретические положения о лексиконе, Ю.Н. Караулов вводит понятие «ассоциативно-вербальная сеть» (АВС). Как отмечает автор, наряду с существующими понятиями («вербальная сеть», «семантическая сеть» и др.) АВС другими авторами «трактуются традиционно как один из способов организации словарного состава языка, характеризующийся национально-культурной спецификой» [Караулов 1990: 122], а также представляется «как имманентное свойство самой лексики», «как держатель и поставщик исключительно смысловой (семантической) информации» [Караулов 1988: 123]. Так, например, А.П. Клименко отмечает, что «психолингвистические эксперименты... показывают системный характер лексики, ...иерархическую и семантическую структуру лексической системы» [Клименко 1980: 33]. В отличие от этого Ю.Н. Караулов рассматривает ассоциативно-вербальную сеть как принадлежность «естественного говорящего», «устремленного индивида или совокупного носителя языка» [Караулов 1990: 123]. Он определяет АВС как «совокупность отношений между словами, словоформами и их сочетаниями, которую можно наблюдать на материале достаточно большого ассоциативного словаря» [Караулов 1994: 15]. АВС характеризуется рядом свойств, а именно: а) онтологи-

ческим статусом; б) многообразием отношений между элементами (семантических, синтаксических, деривационных, этимологических, тематических, стилистических...); в) вариативностью своих элементов (словоизменительной, словообразовательной, семантической); г) диссипацией грамматики; д) способностью к самоорганизации и адаптации [Караулов 1994: 16]. Необходимо особо выделить тезис о том, что «АВС включает в себе не только лексику с ее семантически обусловленными связями, но и синкретически запечатленную в лексических элементах грамматику, «разлитую», распределенную (диссипированную) между узлами сети и существующую в «лексикализованном», готовом к «употреблению» виде, в совокупности отражая весь набор грамматических форм и категориальных значений, свойственных русскому языку» [Караулов 1990: 123].

Объектом нашего исследования является группа прилагательных (41 прил.) русского языка и их корреляты в болгарском языке. Предметом анализа служат ассоциативно-сочетаемостные свойства этих прилагательных в обоих языках. Говоря об ассоциативно-сочетаемостных свойствах исследуемых прилагательных, нужно иметь в виду, что речь идет не о каком-то особом типе сочетаемостных свойств слов (ср.: семантическая, лексическая, синтаксическая сочетаемость), а о возможном подходе при анализе и лексикографическом представлении этих свойств. Под ассоциативной сочетаемостью слов подразумеваются отношения между словами в ассоциативной паре (в АВС).

Целью работы является выявление моделей ассоциативно-сочетаемостных свойств прилагательных русского и болгарского языков, что представляет собой этап на пути к разработке методики лексикографирования ассоциативно-сочетаемостных свойств прилагательных русского и болгарского языков в двуязычном словаре-справочнике.

Среди методов, позволяющих выявить и изучить сочетаемостные свойства слов, привлекает внимание метод психолингвистического эксперимента, точнее – метод свободного ассоциативного эксперимента. При этом нужно отметить, что ассоциативный эксперимент не только не противопоставляется другим возможным методам изучения сочетаемостных свойств слов, но в результате применения этого

метода, с одной стороны, подтверждаются данные лингвистических анализов и, с другой стороны, они дополняются другими интересными фактами. Немаловажен тот факт, что в ассоциативном эксперименте исследователь рассчитывает на интуицию «естественного говорящего». Это имеет свои положительные стороны. В свободном ассоциативном эксперименте испытуемые должны реагировать на определенные слова-стимулы, и так как эти слова в сознании носителя языка находятся в окружении целого ряда ассоциаций, которые активируются к употреблению, то в результате получается довольно богатая и интересная картина, после соответствующей интерпретации которой можно судить о характерных чертах ассоциативно-вербальной сети носителя языка. «В ассоциативных экспериментах мы исследуем, как принято считать, индивидуальный лексикон. Он выступает как интраиндивидуальный, если в серии опытов испытуемым является одна и та же личность, или как интериндивидуальный, когда ассоциативный эксперимент носит массовый характер (как, например, при построении ассоциативных словарей). В результате такого рода исследований мы строим вербальную, ассоциативно-семантическую сеть, которая и структурно, и по составу должна репрезентировать именно лексикон, т.е. отражать самый первый уровень организации языковой личности – лексико-семантические и лексико-грамматические связи единиц» [Караулов 1988: 110].

Материалом для анализа в данной работе послужили результаты ассоциативных экспериментов (для русского языка – это данные русского ассоциативного словаря [РАС 1994], а для болгарского – данные эксперимента, проведенного автором). Подбор прилагательных (рус. яз.) осуществлялся на базе словника Ассоциативного словаря [РАС 1994], а также Словаря ассоциативных норм русского языка [Леонтьев 1977], который, со своей стороны, составлялся на базе классического списка Г. Кент – А. Розанова [Kent, Rosanoff 1910]. В наш словник были включены все имена прилагательные, имеющие место в Словаре ассоциативных норм [Леонтьев 1977], с целью возможного сопоставления полученных результатов. К этим 26 прилагательным были добавлены еще 15 из Ассоциативного словаря [РАС 1994]. Первоначальная идея анализа определенной лексико-семанти-

ческой группы прилагательных была отвергнута по причине предполагаемого переплетения ассоциативных связей в пределах группы, что само по себе представляет интересный объект для анализа. Для целей нашего исследования потребовался материал, разнообразный с точки зрения семантических, а также грамматических характеристик. В словник анкеты для проведения ассоциативного эксперимента с носителями болгарского языка были включены прилагательные-корреляты¹ подобранным прилагательным в русском языке. В эксперимент вошли и другие слова – представители практически всех частей речи; они тоже являются коррелятами слов, которые содержатся в словнике Ассоциативного словаря [РАС 1994]. Это было сделано с целью анализа поведения прилагательных в качестве реакций на стимулы не-прилагательные, с одной стороны, а с другой – для того чтобы испытуемые были в нормальных условиях, т.е. не чувствовали себя «перегруженными» прилагательными. Можно предположить, что, если в анкете предлагаются одни прилагательные, могут получиться искажения в реакциях.

На начальном этапе работы был проведен свободный ассоциативный эксперимент с носителями болгарского языка. Анкета, предложенная каждому из 100 испытуемых, включала 100 слов-стимулов. Эксперимент проводился среди студентов разных специальностей и курсов Софийского университета им. Климента Охридского. Перед ними ставилась задача заполнить анкету первым пришедшим в голову словом, реакцией на слово-стимул. При этом, если испытуемому приходится задумываться или просто ему «ничего в голову не приходит», то он может поставить прочерк. Эксперимент (вместе с разъяснениями) длился около 20 минут (12 сек. на слово). В материалах использованного в работе русского Ассоциативного словаря [РАС 1994] зафиксированы реакции 100 испытуемых. Для сравнения привлечен материал Словаря ассоциативных норм [Леонтьев 1977], в котором собраны реакции в среднем 500 испытуемых на 200

---

¹ Выбор эквивалента в болгарском языке нередко вызывал определенные затруднения. Естественно, что полной эквивалентности в списках стимулов достичь практически невозможно, поэтому в данном случае используется термин А.А. Залевской «коррелят» [Залевская 1977: 158].

слов-стимулов, и словаря «Български норми на словесни асоциации» [Герганов 1984] (1 000 испытуемых на 200 стимулов).

В работе с материалом мы исходили из теоретических посылок о «модели двух слов» Н.И. Жинкина [Жинкин 1982] и Ю.Н. Караулова [Караулов 1990]. Введенное Жинкиным понятие «модель двух слов» трактуется им следующим образом: «каждое слово связывается с другим или с несколькими другими и образует такое целое, в котором возникает закономерная динамика словоизменения. Подобно тому как фонемы различаются бинарно по дифференциальным признакам и бинарно противопоставляются в словах, так и бинарно различные словоформы в словах бинарно интегрируются в грамматическом пространстве. Для того чтобы динамика изменения слов при их связи была закономерной, должен быть точный учет фактического материала словоформ и их изменений. В таких условиях в восприятии можно предрешить появление словоформ и ждать появления тех или других форм...» [Жинкин 1982: 45–46]. То обстоятельство, что это понятие вводится Н.И. Жинкиным для выяснения механизма восприятия и понимания речи, дает основания предполагать, что выбранный нами путь для анализа сочетаемых свойств прилагательных имеет реальную почву в ассоциативном эксперименте, где в определенной форме находят свое выражение именно эти механизмы. Идея модели двух слов находит более конкретную и развернутую разработку в работах Ю.Н. Караулова [Караулов 1988; 1990; 1993; 1994]. Исходя из гипотезы диссипированности грамматики в ассоциативно-вербальной сети автор производит сплошную роспись «ряда статей СЛ² и АТ³ с целью иллюстрировать некоторые типы как явных, так и скрытых, реконструируемых (т.е. примитивов) синтаксических связей и синтаксических отношений в... моделях двух слов и тем пролить свет на степень отражения синтаксиса словосочетаний в АВС» [Караулов 1993: 211].

---

² СЛ – Словарь ассоциативных норм русского языка, под редакцией А.А. Леонтьева [Леонтьев 1977].

³ АТ – Ассоциативный тезаурус, созданный в Машинном фонде русского языка [РАС 1994].

Ярко выраженный момент двукомпонентности имеет своей основной двукомпонентную структуру ассоциативной пары: стимул–реакция (S→R). С другой стороны, в идее модели двух слов заключается указание на монолитность конструкции, воспринимаемой как единое целое, функционирующей, находящейся в сознании носителя языка именно в таком, а не в поэлементном виде. Поэтому считаем возможным выразить мнение о том, что наблюдаемую конструкцию можно назвать «бинарной моделью сочетания слов», что, как нам кажется, может снять необходимость в некоторых оговорках в связи с составом/количеством слов и в то же самое время не будет противоречить основной идее цельности.

Другими очень важными особенностями этой модели являются ее «воспроизводимость», а также ее конструктивная цельность («строительный блок более крупной «делимой» единицы речи и текста – предложения и высказывания»), т.е. такая модель может рассматриваться, наряду со словом, как единица «языковой способности» человека [Караулов 1993: 191–192].

Проанализированный нами материал ассоциативных экспериментов с носителями русского и болгарского языков показал, что от полученных ассоциативных пар больше чем в 60% случаев можно получить бинарные модели и сочетания слов, т.е., по всей видимости, синтаксический момент в полученных конструкциях преобладает над семантическим, хотя при этом не исключает его и не противопоставляется ему, а сосуществует с ним. В ассоциативном эксперименте находят выражение почти все типы синтаксических связей (сочинительная, подчинительная – согласование, управление, примыкание). При этом, хотя не во всех статьях ассоциативных словарей русского и болгарского языков наблюдаются последовательно все (зарегистрированные до сих пор нами) модели (чего вообще вряд ли можно достичь на ограниченном материале), все же можно построить относительно целостную картину типов бинарных моделей сочетания прилагательных.

Выделим пять типов таких моделей:

1) Бинарная модель, элементы которой (прилагательное – существительное/местоимение) соединяются подчинительной связью (согласованием): р. БЕЛЫЙ – *цветок* (ср.: *белый цветок*); р. БЫСТРЫЙ –

шаг (ср.: *быстрый шаг*); р. ВЕСЕЛЫЙ – *разговор* (ср.: *веселый разговор*); б. БЯЛ – *люляк* (ср.: *бял люляк*); б. БЪРЗ – *ход* (ср.: *бърз ход*); б. ВЕСЕЛ – *ден* (ср.: *весел ден*).

2) Бинарная модель, элементы которой (прилагательное – существительное) соединяются подчинительной связью (управлением): р. ГОРДЫЙ – *духом* (ср.: *гордый духом*); р. СВОБОДНЫЙ – *от всего* (ср.: *свободный от всего*); р. ЧИСТЫЙ – *душой* (ср.: *чистый душой*); р. КИСЛЫЙ – *на вид* (ср.: *кислый на вид*); б. ГОРД – *от себе си* (ср.: *горд от себе си*); б. ПОЗНАТ – *на мама* (ср.: *познат на мама*); б. СВОБОДЕН – *от всичко* (ср.: *свободен от всичко*); б. ЧИСТ – *по душа* (ср.: *чист по душа*).

3) Бинарная модель, элементы которой (прилагательное – наречие) соединяются подчинительной связью (примыканием): р. ПОЛНЫЙ – *вперед* (ср.: *полный вперед*).

4) Бинарная модель, элементы которой (прилагательное – союз – прилагательное) соединяются сочинительной связью: р. ГОРДЫЙ – *и замкнутый* (ср.: *гордый и замкнутый*); р. ДОРОГОЙ – *и красивый* (ср.: *дорогой и красивый*); б. ГОРД – *и величав* (ср.: *горд и величав*); б. ЧИСТ – *и сресан* (ср.: *чист и сресан*); б. ПРОСТ – ..., *но гениален* (ср.: *прост, но гениален*).

5) Бинарная модель, элементы которой (прилагательное – союз как – существительное) соединяются подчинительной связью; второй элемент представляет собой сравнительный оборот: р. БЫСТРЫЙ – *как ветер* (ср.: *быстрый, как ветер*); б. СТАР – *като света* (ср.: *стар като света*).

После вычленения этих типов бинарных моделей оказалось, что в статьях ассоциативных словарей ([РАС 1994], [Балтова, Ефимова, Липовска, Петрова 2003]) остается довольно большая группа ассоциативных пар (S→R), которая стоит очень близко к ассоциативным парам, ведущим к бинарным моделям, однако отнести их к бинарным моделям какого-либо из вышеуказанных типов нет никаких оснований, например: р. БОЛЬШОЙ – *любовь* (ср.: **большой любовь*); б. БЯЛ – *рокля* (ср.: **бял рокля*); р. ДОРОГОЙ – *друзья* (ср.: **дорогой друзья*); б. СКЪП – *родители* (ср.: **скъп родители*).

В этих, как и во многих других некорректных сочетаниях, о которых речь пойдет ниже, можно увидеть скрытую бинарную модель

сочетания слов (см. у Ю.Н. Караулова – «синтаксический примитив» [Караулов 1993: 192]). Прежде чем перейти к анализу и интерпретации конкретных данных, поясним введенное понятие «синтаксический примитив». Ю.Н. Караулов первоначально определяет синтаксический примитив как «зависимость в паре ($S \rightarrow R$), которая не имеет поверхностного, морфологического выражения, но может быть реконструирована путем постановки между членами этой пары некоторой стандартной связки, превращающей ее в элементарное, нормальное высказывание» [Караулов 1993: 191]. Далее автор расширяет и уточняет понятие синтаксического примитива и к нему относит «все случаи, когда соединение двух и более однозначных слов выступает как стандартная, т.е. целостно воспроизводимая, единица ассоциативно-вербальной сети, причем образующая это соединение связка – как реконструируемая, так и реально существующая – может принимать облик простого, элементарного слова-примитива (типа «и», «это», «значит», «чтобы») и передаваться средствами интонации или порядка слов, порядка следования стимула и реакции» [Караулов 1993: 191].

Чтобы из скрытой бинарной модели получить явно выраженную, нужно пройти через определенную синтаксическую операцию. Например, если взять одну из приведенных выше ассоциативных пар, а именно р. БОЛЬШОЙ – *любовь*, то нужно только изменить род прилагательного (стимула) – мужской на женский (ср.: в анкете – м. р.), чтобы получить правильное сочетание *большая любовь*; б. БЪРЗ – *поца*, пройдя через одну синтаксическую операцию изменения рода прилагательного (стимула), превращается в корректное сочетание *бърза поца*.

Всего лишь одна синтаксическая операция (изменение числа прилагательного) переводит потенциальную, скрытую модель в явно выраженную в парах: р. ДОРОГОЙ – *друзья* (ср.: *дорогие друзья*), б. СКЪП – *родители* (ср.: *скъпи родители*) и т.д.

Достаточным преобразованием для получения корректных сочетаний в ассоциативных парах типа р. ПОЛНЫЙ – *вода* является изменение падежной формы реакции (ср.: *полный воды*) или в б. ПЪЛЕН – *вода*, вставление предлога (ср.: *пълен с вода*).

Довольно часто встречаемой синтаксической операцией приведения скрытой бинарной модели в явную является вставление между прилагательным-стимулом и существительным-реакцией союза *как*, что делает возможным образование сравнительного оборота, например: р. БЕЛЫЙ – *стена* (ср.: *белый, как стена*); б. БЪРЗ – *стрела* (ср.: *бърз като стрела*).

Как видно из примеров на материале болгарского языка, реконструкция сравнительного оборота происходит за счет соответствующего сравнительного союза *като*.

Вставление сочинительных союзов между стимулом и реакцией является другим способом преобразования, например: р. БОЛЬШОЙ – *глупый* (ср. *большой, но глупый*); б. ВЕСЕЛ – *лековат* (ср.: *весел, но лековат*).

Своеобразным синтаксическим преобразованием является также перемена мест стимула-прилагательного и реакции-наречия. Например: р. БЫСТРЫЙ – *слишком* (ср.: *слишком быстрый*); б. ВЕСЕЛ – *винаги* (ср.: *винаги весел*); б. МИЛ – *външно* (ср.: *външно мил*); б. ОПРЕДЕЛЕН – *точно* (ср.: *точно определен*); б. ПРОСТ – *невероятно* (ср.: *невероятно прост*).

В ходе анализа каждой отдельной статьи ассоциативных словарей русского и болгарского языков было замечено, что в них параллельно существуют ассоциативные пары, из сочетания стимула и реакции которых без всякого преобразования получается бинарная модель сочетания слов, и ассоциативные пары, из сочетания стимула и реакции которых получается скрытая модель, т.е. содержащая потенции для получения той же явно выраженной бинарной модели, уже имеющейся в этой статье. Например: р. ВОЕННЫЙ – *военная фуражка* – ср.: ВОЕННЫЙ – *форма (военная форма)*; б. ДЕТСКИ – *детска градина* – ср.: ДЕТСКИ – *радост (детска радость)*; р. ПОЛНЫЙ – *воды (полный воды)* – ср.: ПОЛНЫЙ – *вода (полный воды)*; б. МИЛ – *външно мил* – ср.: МИЛ – *външно (външно мил)*.

Эти факты еще раз подтверждают правомерность допущения, что за определенными ассоциативными парами скрываются потенциальные бинарные модели, закономерно приводимые к поверхностному морфологическому выражению.

Довольно часто при анализировании какой-либо ассоциативной пары представляется возможным по-разному интерпретировать материал эксперимента, например: р. БЕЛЫЙ – стена, допускает следующие варианты: р. БЕЛЫЙ – стена (ср.: белая стена); р. БЕЛЫЙ – стена (ср.: белый, как стена). Аналогичный пример: б. ГЪВКАВ – гимнастик (ср.: гъвкав гимнастик); б. ГЪВКАВ – гимнастик (ср.: гъвкав като гимнастик).

Возможность построить разные сочетания, опираясь на один и тот же материал ассоциативных экспериментов, не противоречит теоретическим положениям о модели двух слов и ассоциативно-вербальной сети, наоборот, является подтверждением тезиса о варьировании состояния узлов АВС [Караулов 1990: 132].

Двоякую интерпретацию, как нам кажется, допускают и ассоциативные пары р. БОЛЬШОЙ – огромный, р. БОЛЬШОЙ – громадный, которые Ю.Н. Карауловым представлены в виде реакций в вопросно-ответном режиме [Караулов 1993: 200] (стимул-вопрос – реакция-подтверждающий ответ): *большой – огромный; Большой? – Громадный.*

Вероятно, возможно определить отношения, существующие между стимулом и реакцией, как синонимические. В вопросно-ответном режиме представлены и отношения в паре р. БОЛЬШОЙ – очень (ср.: *Большой? – Очень.*), в то время как можно воспринимать сочетание стимула и реакции в этой паре как скрытую бинарную модель (ср.: *очень большой*).

В процессе анализа материала ассоциативных экспериментов нами было замечено существование таких ассоциативных пар, сочетание стимула и реакции которых приводят не к бинарной модели сочетания слов, а к предложению. Например: р. БОЛЬШОЙ – я (ср.: *Большой я*), р. СВОБОДНЫЙ – я (ср.: *Свободный я*); б. СИЛЕН – съм (ср.: *Силен съм*); б. ГЪВКАВ – си (ср.: *Гъвкав си*).

В ассоциативном эксперименте на материале болгарского языка зафиксированы следующие ассоциативные пары, ведущие к образованию предложения: б. ГОЛЯМ – *колкото малка ябълка* (ср.: *Голям колкото малка ябълка*); б. ГОРД – *...съм, че свърших нещо* (ср. *Горд съм, че свърших нещо*).

Наряду с этими образованиями исследуемый материал позволяет интерпретировать некоторые сочетания стимула и реакции как скрытые, потенциальные предложения. Там, где первоначально трудно было судить вообще о наличии какой бы то ни было связи между стимулом и реакцией, впоследствии оказалось, что она (связь) не только существует, но и относительно легко реконструируется, в результате чего получается предложение. Например: р. БОЛЬШОЙ – *красивый* (ср.: *Большой, поэтому красивый*); б. ГОЛЯМ – *страшен* (ср.: *Голям е, затова е страшен*); р. ВЕСЕЛЫЙ – *беззаботный* (ср.: *Веселый, потому что беззаботный*); б. ВЕСЕЛ – *щастлив* (ср.: *Весел, защото е щастлив*); р. БЕЛЫЙ – *неудобно* (ср.: *Белый – значит неудобно*); б. БЯЛ – *хубаво* (ср.: *Бял – значи хубаво*).

Данный тип реконструкций, как нам кажется, является только одним из возможных выражений предполагаемого механизма ассоциирования.

Выше были представлены результаты первоначальной обработки и анализа материала статей русского ассоциативного словаря [РАС 1994] и ассоциативного эксперимента на материале болгарского языка со стимулами-прилагательными. Аналогичную работу предстоит провести на материале обратного ассоциативного словаря, где исходным пунктом для нас будут имена прилагательные, выступающие в качестве реакции на определенные стимулы (имена существительные, имена прилагательные, местоимения, наречия, глаголы и др., встречающиеся в ассоциативных статьях исследуемых нами прилагательных). Такого рода анализ следует провести с целью проверки (подтверждения) и дополнения имеющихся уже данных об ассоциативно-сочетаемых свойствах прилагательных в русском и болгарском языках.

Полученные результаты анализа на материале русского и болгарского языков излагались в работе параллельно. На следующих этапах исследования сопоставлению будет подвергаться каждая модель в рамках конкретной двуязычной пары исследуемых прилагательных с целью выявления существующих сходств и различий в их сочетаемости и разработки методики лексикографирования этих данных.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995   Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Балтова, Ефтимова,
Липовска, Петрова 2003   Балтова П., Ефтимова А., Липовска А., Петрова К. Български асоциативен речник. Прав и обратен. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2003. 148 с.
- Богуславский 1985   Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. Сферы действия логических слов. Москва: Наука, 1985. 173 с.
- Герганов 1984   Герганов Е., Иванчева Л., Кърлова Р., Николов В., Николова Цв. Български норми на словесни асоциации (под ред. на Е. Герганов). София: Наука и изкуство, 1984. 272 с.
- Жинкин 1982   Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. 159 с.
- Залевская 1977   Залевская А.А. Из опыта сопоставления ассоциативных реакций в условиях различных культур // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. Москва, 1977. С. 157–169.
- Залевская 1979   Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1979. 84 с.
- Залевская 1980   Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ленинград, 1980. 31 с.
- Залевская 1981   Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 28–44.
- Караулов 1987   Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 264 с.
- Караулов 1988   Караулов Ю.Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // Язык: система и функционирование. Москва: Наука, 1988. С. 108–116.

- Караулов 1990 Караулов Ю.Н. Морфология в ассоциативно-вербальной сети носителя языка // Русский язык и литература в общении народов мира. Проблемы функционирования и преподавания: Доклады советской делегации на VII конгрессе МАПРЯЛ. Москва, 1990. С. 122–143.
- Караулов 1993 Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 1993. 330 с.
- Караулов 1994 Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. 1994. № 1. С. 15–26.
- Клименко 1974 Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск: ГПИИЯ, 1974. 108 с.
- Клименко 1980 Клименко А.П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Минск, 1980. 41 с.
- Клименко 1982 Клименко А.П. Психолингвистика. Минск: ГПИИЯ, 1982. 99 с.
- Леонтьев 1969 Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Москва: Просвещение, 1969. 214 с.
- Леонтьев 1977 Словарь ассоциативных норм русского языка. Под ред. А.А. Леонтьева. Москва: МГУ, 1977. 172 с.
- Мельчук 1974 Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей 'Смысл $\Leftrightarrow$ Текст'. Москва: Наука, 1974. 314 с.
- РАС 1994 Русский ассоциативный словарь. Книги 1–6. Авторы-составители: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Москва: ИРЯ РАН, 1994–1998. Кн. 1. 223 с.; Кн. 2. 356 с.; Кн. 3. 210 с.; Кн. 4. 322 с.; Кн. 5. 202 с.; Кн. 6. 323 с.
- Филлмор 1981 Филлмор Ч. Дело о падеже. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Москва: Прогресс, 1981. С. 369–530.
- Хомски 1972 Хомски Н. Язык и мышление. Москва: МГУ, 1972. 122 с.
- Kent, Rosanoff 1910 Kent G., Rosanoff A. A study of association in insanity // American Journal of Insanity, Vol. 67, Nos. 1–2. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1910. Pp. 37–96 (No. 1); 317–390 (No. 2).